

3. Унутраны стан чалавека. Да гэтай групы адносяцца фразеалагізмы, якія характарызуюць пэўны стан чалавека, яго эмацыянальны фон: “камфортнае становішча” – як дома ‘свабодна, проста, без сарамлівасці (адчуваць сябе, быць і пад.)’; “выгоднае / невыгоднае становішча” – і дома і замужам ‘што-н. вельмі выгадна, зручна для каго-н.’, ні дома ні замужам ‘у няпэўным становішчы (часцей пра жанчыну)’. Асобна вылучаюцца фразеалагізмы, якія пэўным чынам характарызуюць інтэлектуальныя здольнасці чалавека: “розум, мудрасць” – не галава, а дом саветаў ‘хто-н. вельмі разумны, ясна і лагічна мысліць, разважае’; “неадэкватнасць” – не ўсе дома ‘хто-н. прыдуркаваты, ненармальны’. Асабліва цікавым уяўляецца апошні фразеалагізм. Прыведзеная адзінка ўтвараецца “сямейнай” метафарай, якая прыпадабняе цэласнасць інтэлектуальнай прасторы чалавека да цэласнасці дома, сям’і. Непаўната дома пераносіцца на інтэлектуальную “непаўнату” чалавека.

Аналіз парэміялагічных адзінак з лексмай дом дазволіў вылучыць наступныя кагнітыўныя прыметы адпаведнага канцэпту:

1. “Дом – жывая істота”: Дома і вуглы памагаюць; У сваім доме і вуглы памагаюць; Дамоўка не вораг: калі ні прыйдзе, заўсёды прыме. Без хазяіна і дом сірата;

2. “Мужчына – гаспадар дома”: Бяда ў тым доме, дзе куры п’яюць, а пеўням волі не даюць; Бедная тая дамова, дзе вала бадае карова; Благая тая дамова, дзе вала бадзе карова;

3. “Неабходнасць захавання нормаў маралі ў сям’і”: Сваю гразь (свой бруд) дома апалосквай; Не раскажвай нікому, што робіцца ў дому;

4. “Разбуральная сіла канфліктаў”: Згода дом будзе, а нязгода – руйнуе;

5. “Працавітасць”: Дом вяці – не лапці пляці;

6. “Падрыхтоўка да перасялення ў апошні “дом” чалавека”: У дамоўцы і паміраць смялей; Прышоў паміраць на сваю лаўку, бо дома смялей;

7. Апазіцыя двух гештальтаў: “сваё” (носьбіт станоўчай канатацыі) і “чужое” (адмоўнае): Дома хоць не ўежна, але ўлежна; Нідзе так, як удому; Усюды добра, а дома лепей; Дома і салома ядома, а на чужыне і гарачы тук стыне і інш.

Вывады. Праведзены аналіз фразеалагічных і парэміялагічных адзінак дазваляе вылучыць дадатковыя канатацыйныя лексемы дом, якія характарызуюць аксіялагічную сістэму, звязаную з адпаведным канцэптам (“дабрабыт”, “гаспадарліваць”, “працавітасць”, “лад у сям’і” і інш.), што дае магчымасць наблізіцца да разумення менталітэту беларусаў.

Літаратура:

1. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 320 с.
2. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – 2 т.
4. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн.; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 2 кн.

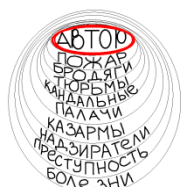
ОБРАЗ АДА В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ «ОСТРОВ САХАЛИН» А.П. ЧЕХОВА

Кацубова Л.А.,

студентка 2 курса УО «ГГУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель – Дробышевская Н.А., ассистент

Книга очерков А.П. Чехова «Остров Сахалин», имеющая явно документально-публицистическую основу, выделяется из общего наследия писателя, а потому чаще всего остается на периферии исследовательского интереса. Это обстоятельство определяет актуальность данного исследования, цель которого – осмысление образа ада как циклообразующей доминанты в книге очерков «Остров Сахалин». Методы исследования отражают культурно-исторический подход и представляют собой сочетание структурного и семантико-стилистического анализа.

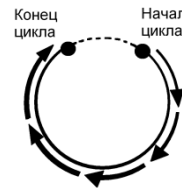
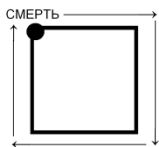

Остров как образ в литературе имеет двойственный смысл: с одной стороны – это безопасное место и убежище от хаоса, т.е. «остров-рай», а с другой – место изоляции и одиночества, т.е. «остров-ад». Цикл «Остров Сахалин» состоит из 23 очерков, и с каждой главой расширяются концентрические круги повествования, усиливается основное впечатление, которое вынес сам автор: Сахалин – это «ад» (см. рисунок 1). Даже названия глав подтверждают вышесказанное: «Общие камеры», «Казармы для семейных», «Александровская ссыльнокааторжная тюрьма», «Кандальные» и др. Этот образ поддерживается в ходе книги частными замечаниями: «Все в дыму, как в аду» [1, с. 54], «Какой ад бывает здесь зимою» [1, с. 131]. Так

Ад // Рай
↓ ↓
Сахалин // Родина

и убежище от хаоса, т.е. «остров-рай», а с другой – место изоляции и одиночества, т.е. «остров-ад». Цикл «Остров Сахалин» состоит из 23 очерков, и с каждой главой расширяются концентрические круги повествования, усиливается основное впечатление, которое вынес сам автор: Сахалин – это «ад» (см. рисунок 1). Даже названия глав подтверждают вышесказанное: «Общие камеры», «Казармы для семейных», «Александровская ссыльнокааторжная тюрьма», «Кандальные» и др. Этот образ поддерживается в ходе книги частными замечаниями: «Все в дыму, как в аду» [1, с. 54], «Какой ад бывает здесь зимою» [1, с. 131]. Так

впервые возникает главная тема произведения – тема сахалинского «ада». Образ красной воды, которую пьют сахалинцы, вновь напоминает нам о цветовой символике «ада»: «...жители пользуются из колодцев, в которых во время дождей вода красная, тундровая» [1, с. 211]. Проблематика произведения Чехова, переплетение сюжетных линий, наличие объединяющих образов создают целостное полотно, где основная идея реализуется созданием параллели «ад//рай» и закрепляется антитезой «Сахалин//Родина» (см. рисунок 2). Чехов пишет об этом: «Туманная полоса земли с красивыми горными пиками изо дня в день манит к себе и искушает ссыльного, обещая ему свободу и родину» [1, с. 342]. По мнению автора, Сахалин не может считаться местом нормального существования людей из-за внешних причин (сурового климата, невозможности заниматься сельским хозяйством, плохого материального положения) и внутренних (даже свободный человек по причине близости каторги развращается, становится бесправным существом). Автор подводит читателя к единственной мысли: попавший на адский остров человек не имеет возможности вырваться из него, как из ада. Первые две главы «завязывают» клубок художественных линий, возникает собственно образ острова, встречающего прибывших лесными пожарами, в которых человеку не выжить. Так намечается фабульная рама, замыкающаяся в финале образами больных, умирающих людей (см. рисунок 3). «Остров Сахалин» – жестокая книга, хотя автор нигде не конкретизирует это. Однако уже после возвращения Чехов писал Суворину: «Сахалин представляется мне целым адом» [2, т. 4, с. 342]. А в письме Леонтьеву (Щеглову) мы прочтем следующее: «Я был в аду, каким представляется Сахалин» [2, т. 4, с. 344]. Таким образом, пройдя по всем кругам сахалинского ада, Чехов заканчивает книгу главой о сахалинском лазарете. Глава явно оказывается не на месте, книга обрывается на полуслове. В силах Чехова было композиционно «закруглить» повествование. В книге есть приезд на каторжный остров, но нет отъезда с него. И на последней странице автор так и остается в кругу сахалинских проблем и страданий (см. рисунок 4). Художник с глубоким удовлетворением завершил работу над книгой. 2 января 1894 года он писал: «Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством» [2, т. 5, с. 112].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) цикл очерков «Остров Сахалин» представляет собой сложное целое, главной циклообразующей доминантой которого является образ ада, а главной темой – тема сахалинского «ада»;
- 2) основная идея произведения реализуется созданием параллели «ад//рай» и закрепляется антитезой «Сахалин//Родина»;
- 3) образная система, цветовая символика, композиция книги – все работает на реализацию главного образа сахалинского ада.

Литература:

1. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / А.П. Чехов. – Мн.: Наука, 1974 – 1983. – Т. 14 – 15. – 1976. – 855 с.
2. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / А.П. Чехов – Мн.: Наука, 1974 – 1983.

МІФ І ГІСТОРЫЯ Ё РАМАНЕ В. ПАТАВАЙ «ЗАЛАТАЯ ЖРЫЦА АШВІНАЎ»

Кірушкіна М.І.,

студэнтка 4 курса УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», г. Гомель, Рэспубліка Беларусь

Навуковы кіраўнік – Фіцнер Т.А., канд. філал. навук, дацэнт

У дадзеным артыкуле разглядаецца раман В. Патавай «Залатая жрыца Ашвінаў» з пункту гледжання суаднесенасці ў творы гістарычнай праўдзівасці і мастацкага вымыслу. Мэта работы – даследаваць міфалагічна-гістарычную мадэль светаадчування беларусаў. У аснове гістарычнай канцэпцыі пісьменніцы – аб'ектыўная дакладнасць пры апісанні мінулага, прыгодніцкі сюжэт, інтрыга і дынаміка ў разгортванні падзей, міфы і культуры нашых продкаў.

Выкарыстанне традыцыйных міфалагічных сюжэтаў, рэканструкцыя старажытных міфаў, спалучаная з мастацкім пераасэнсаваннем нацыянальнай гісторыі – адна з вызначальных тэндэнцый сучаснай гістарычнай прозы. Паняцце «міф» паводле В. Руднева [1] валодае такімі значэннямі, як старажытнае паданне, міфатворчасць, асаблівы стан свядомасці, гістарычна і культурна абумоўлены. Міфатворчасць заўсёды служыць дзейным сродкам асэнсавання не толькі мінулага, але і сучаснага, прадбачання будучага. Дзякуючы звароту да найбольш значных нацыянальных міфаў, таленавіты пісьменнік здольны стварыць новую эстэтычную рэальнасць, у якой прасочваюцца не толькі лёсавызначальныя моманты мінулага, але і ёсць праекцыя на сучаснасць. Прыкладам такога